

Министерство культуры и массовых коммуникаций
Российской Федерации

Федеральное агентство по культуре и кинематографии

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ
ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

**ФОЛЬКЛОР,
ПОСТФОЛЬКЛОР,
БЫТ,
ЛИТЕРАТУРА**

Сборник статей к 60-летию
Александра Федоровича Белоусова

Санкт-Петербург 2006

М. Л. Лурье

Обряды и обрядовый фольклор солдат срочной службы: подход к систематизации

1.

Около десяти лет назад Александр Федорович Белоусов рассказал мне о готовящемся московско-питерском семинаре по современному городскому фольклору и пригласил участвовать в нем. Это было и лестно, и интересно, но мог ли я тогда предположить, что «проект» обернется для меня (и, смею думать, для многих его участников) целым периодом жизни, во многом обусловившим и нынешний круг моего научного и личного общения, и направление исследовательских интересов. Одна из тем, которой я вместе с В. Головиным и Е. Кулешовым (которых тоже пригласил А. Ф.), начал заниматься в недрах «городского» семинара, – изучение неофициальной, или «неуставной», культуры и фольклора Советской/Российской армии последней трети прошедшего – начала нынешнего века.

Надо сказать, что за истекшее десятилетие армейская тема обрела в нашей антропологической науке известную популярность, разрабатывалась достаточно интенсивно и в настоящий момент уже не является terra incognita (главным образом это относится к субкультуре солдат срочной службы, офицерская и курсантская традиции описаны пока лишь фрагментарно¹). Так, только за последние шесть лет неуставному быту, социальной структуре, обрядам, символике, фольклору и жаргону и картине

¹ См., напр.: *Е.Е. Тотильская*. Традиционный кадетский жаргон: Пути и средства актуализации // *Вестник Воронежского гос. ун-та: Серия «Гуманитарные науки»*. 2002, № 2, с. 240 – 249; *М. Г. Матлин*. Фольклор военных училищ // *Современный городской фольклор / Сост. А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов*. М., 2003, с. 180–185.

мира казарменного сообщества было посвящено две книги,², раздел в монографии³, глава в коллективном исследовании⁴, около десятка статей⁵.

Столь внушительный объем научного материала дает возможность говорить о некоторых общих местах «солдатских» штудий, отражающих, по-видимому, наиболее яркие, лежащие на поверхности и/или особенно значимые, сущностные свойства данной традиции. Одним из таких общих мест является тезис о чрезвычайно высокой степени ритуализованности солдатского быта, поведения и внутригрупповых отношений. Возможным объяснением этому феномену может служить, во-первых, альтернативный, антиофициальный характер самой солдатской субкультуры, вынуждающий ее постоянно поддерживать и воспроизводить свою структуру в условиях нелегитимности и при практическом отсутствии внешних стабилизирующих факторов; во-вторых, – относительная краткость и строгая ограниченность того временного отрезка, в который человек является носителем этой культуры: весь необходимый комплекс обрядовых мероприятий должен компактно укладываться в установленный законом срок службы, что также приводит к указанной ритуальной насыщенности жизни солдатского сообщества.

Вполне очевидна прямая связь солдатских обрядов с неуставной концепцией срочной службы и соответствующей ей социальной организацией казарменной общины, а также и высокая степень эксплицированности соответствующей обрядовой прагматики. Ритуальные тексты (и в узком, и

² *П. Лихолитов*. Современный русский военный жаргон в реальном общении, художественной литературе и публицистике: Системно-языковой, социолингвистический и функционально-стилистический аспекты. Juvaskyla, 1998; *К.Л. Банников*. Антропология экстремальных групп: Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии. М., 2002.

³ *Ж.В. Кормина*. Проводы в армию в пореформенной России: Опыт этнографического анализа. М., 2005. (Гл. 4. Проводы в армию в посттрадиционной культуре).

⁴ *В.В. Головин, Е.В. Кулешов, М.Л. Лурье*. Субкультура солдат срочной службы // *Современный городской фольклор*, с. 186-230.

⁵ См., напр.: *А.В. Юдин*. Семиотичность и ритуализованность поведения военнослужащих срочной службы Советской Армии // *Живая старина*. 1998, № 2, с. 29-32; *В.В. Блажес*. Солдатский юмор в свете народной поэтической традиции // *Устная и рукописная традиции: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2000*, с. 20-37; *В.А. Липатов*. «Афганская» песня в самодеятельной и профессиональной музыкальной культуре // *Там же*, с. 38-56; *К.Л. Банников*. Антропология экстремальных групп: Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии // *Этнографическое обозрение*. 2001, № 1, с. 112-141; *Ж. Кормина*. Из армейского блокнота (заметки о топике и риторике солдатского письменного фольклора) // *Дембельский альбом – русский Art Brut: между субкультурой и книгой художника*, с. 20-28; *М.Л. Лурье*. Мир – мир, солдату – дембель // *Там же*, с. 29-35; *М.Л. Лурье*. Служба в армии как воспитание чувств // *Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы научной конференции 19-21 февраля 2001 г. / Сост. К. А. Богданов и А. А. Панченко*. СПб., 2001, с. 247 – 259; и др.

в широком смысле последнего слова) не только толкуются интерпретаторами, но и самими информантами преподносятся, как правило, в контексте тех или иных позиций субкультуры (статусных, режимных, идеологических, и т. д.). В результате складывается ситуация, при которой, с одной стороны, солдатская ритуалистика описана достаточно полно и подробно, а с другой, – до сих пор нет ни одной работы, специально посвященной формам ритуализованного поведения, практикуемым неуставной субкультурой, никто из исследователей не пытался свести воедино все имеющиеся на этот счет сведения, не говоря уже о какой бы то ни было их систематизации.

Между тем, представляется, что такая работа была бы отнюдь не лишена смысла: обзор солдатских обрядов позволит не только упорядочить наши представления об их смыслах и функциях, но и различить некоторые структурные типы. Современная солдатская субкультура, возникшая в том виде, в котором она существует в данный момент, не позднее 1960-х годов, строилась из подручного культурного материала, которым оказались армейский фольклор и самодеятельность послевоенных лет, неофициальные традиции закрытых временных сообществ (в первую очередь тюремного), средних и высших учебных заведений, общежитий и интернатов, подростковых групп и многое другое. Такой разброс источников в большой мере определил своеобразие самой традиции, ее оперативных средств, в частности формы ритуального поведения, включая и то, что принято называть обрядовым фольклором. И если «необрядовый» солдатский фольклор, по крайней мере лирика и паремиялогия, в общих чертах описаны и проанализированы, то ритуальная жизнь солдатской общины в некоторых из вышеуказанных работ интерпретировалась только с точки зрения семиотики и прагматики. Поэтика солдатских обрядов, их типологические и генетические связи – на данный момент, как говорится, предмет будущих исследований, которым имеет смысл предпослать попытку систематизировать сведения о солдатских обрядах в их акциональной и вербальной составляющих. Таковы исходные соображения, определившие идею этой статьи как попытки представить в некоторой системе известный корпус форм ритуального поведения солдат-срочников.

2.

Традиционное разделение обрядов на окказиональные, календарные и обряды жизненного цикла к данному материалу едва ли приложимо, и проблема здесь не в сомнительном эвристическом потенциале классификационного принципа, а в специфике самой солдатской субкультуры. Дело в том, что циклическое движение времени по годовому кругу с чередованием так или иначе маркированных (и немаркированных) дней и отрезков для картины мира солдатского сообщества практически теряет актуальность и, соответственно, приуроченность того или иного обряда к точке календарного времени лишена смысла. Конечно, отдельные праздни-

ные дни – например, Новый Год, или праздник соответствующего рода войск – могут отмечаться солдатами особо, в частности, с элементами неуставного поведения, но все это – не «субкультурные» праздники, а официальные, просто не теряющие актуальности или обретающие ее в период службы в армии. Сами по себе эти даты не имеют никакого значения в неуставном календаре, в котором время движется не от праздника к празднику, а от *приказа к приказу*⁶ (*приказом* называют момента выхода Приказа Министра Обороны об очередном призыве на срочную воинскую службу и увольнении в запас выслуживших установленный срок). Приказ выходит (или, если продолжить календарную аналогию, – наступает) два раза в год приблизительно в одно и то же время, в сентябре и в марте. В связи с этим можно было бы считать календарными те обряды, которые исполняются в дни выхода приказа. Таковые, действительно, существуют – это ритуалы *перевода* (см. ниже), однако они посвящены не *приказу*, а изменению статуса солдат каждого призыва в субкультурном сообществе – основному событию «жизненного цикла». Одновременно получается, что «жизненные циклы» всех солдат каждого призыва совпадают полностью и укладываются в единый субкультурный сценарий, вписанный в календарный период службы. Таким образом, жизненный и календарный циклы в системе солдатского времяисчисления невозможно разделить. Что же касается так называемых окказиональных обрядов, то к этой группе можно было бы отнести традиции вроде *похорон хабарика*: если на плацу находят окурки, *молодых* заставляют делать большой гроб, рыть глубокую могилу и хоронить окурки «по-человечески». Однако если этот обычай имеет какое-то значение в контексте неуставной субкультуры, то оно состоит не в самом действе игровых похорон, а в том, что оно осуществляется усилиями солдат первого года по требованию старослужащих и представляет собой один из многочисленных более или менее ритуально оформленных вариантов демонстрации неуставной системы отношений в солдатской общине. «Случай», по поводу которого все устраивается – неубранный окурки – является лишь поводом для совершения этого мероприятия, но не определяет его смысла.

Наиболее удобным и оправданным при систематизации этого материала представляется выстроить в качестве необходимого «типологического минимума» два функциональных ряда обрядовых форм. Как отмечалось

⁶ В этом отношении характерна аллегорическая композиция в солдатском блокноте: две свечи, каждая из которых разделена поперечными линиями на 12 пронумерованных секторов – по количеству месяцев службы (по прошествии каждого месяца один сектор заштриховывается – сгорает), при этом подпись гласит:

И гореть ей так, зараза,

От приказа до приказа.

Естественное календарное структурирование времени на уровне словесной формулы как бы преодолевается субкультурным.

исследователями, социальная система солдатской субкультуры построена на двух переменных: неуставной статус солдата-срочника и срок службы. При этом первая из указанных переменных производна и меняет свое значение в прямой пропорции с изменениями второй, то есть чем больше срок службы, тем выше положение солдата в казарменной иерархии. И то, и другое неуклонно движется к *дембелю* в двух значениях этого ключевого термина – ‘солдат после выхода приказа об увольнении в запас’ и ‘момент увольнения в запас’. Вполне естественно, что и основной корпус солдатских ритуалов, и семиотика повседневного поведения также направлены на обеспечение, фиксирование, презентацию этого поэтапного движения. Многие формы солдатской обрядности, по крайней мере те, в которых предполагается участие солдат первого года службы, обычно так или иначе связаны с обеими указанными категориями и обладают двойной прагматикой. Например, вопрос *деда* (солдат второго года или последнего полугодия службы) к *молодому* (солдат первого года или второго полугодия) «Сколько мне осталось служить?» эксплицирует идею течения времени, приближения к моменту демобилизации, но одновременно и манифестирует подчиненное положение солдата первого года службы, который должен постоянно держать в голове оставшийся его *деду* срок. И все же в большинстве обрядов в качестве исходного и основного объекта ритуального утверждения очевидно доминирует в одних случаях – статус солдата, в других – срок службы.

Еще одно предварительное замечание. В качестве переломного момента, или точки перехода солдата по социальной шкале из «низкой» категории в «высокую» выступает середина этого периода (при «классическом» двухгодичном сроке службы – отслуженный год). Переход в категорию *дедов* открывает новый этап существования срочника, что влечет за собой смену приоритетов: в течение первого года службы наибольшей ценностью является обретение нового, более высокого социального статуса, в течение второго, когда этот статус уже достаточно высок, – приближение к моменту увольнения из армии *на гражданку*. Время начинает символически отсчитываться не от прошлого к настоящему – в сторону увеличения отслуженного отрезка времени, а от будущего – в сторону сокращения срока, оставшегося до демобилизации. Хорошей иллюстрацией этому могут послужить вопросы, традиционно задаваемые солдатам первого года старослужащими и требующие знания «правильных» формульных ответов: когда речь идет о нем самом (как правило, сразу по прибытии в часть), солдата спрашивают: «Сколько служишь?», когда *дед* спрашивает о себе (обычно *карасей*, служащих второе полугодие), вопрос звучит: «Сколько мне осталось?»⁷.

⁷ Тем более показательно, что в единственном (из известных нам) тексте, в котором указанная закономерность нарушается и у *духа* спрашивают об оставшемся ему

Этим различием, в свою очередь, обусловлена логика распределения доминирующей ритуальной прагматики в соответствующие два периода службы: обряды, героями которых являются солдаты-первогодки, направлены прежде всего на то, чтобы подчеркнуть их текущий или обретаемый статус и соответствующее место, занимаемое ими в неуставной иерархии; ритуалы, в центре которых старослужащие, организованы вокруг идеи сокращения временного отрезка до приближающегося момента *дембеля*. Таким образом осуществляется корреляция между социальным возрастом члена сообщества и смыслом направленных на него ритуальных действий.

3.

В результате выстраивается приблизительно такая картина солдатских обрядов и обрядового фольклора.

1. Обряды, направленные на манифестацию и изменение социального статуса

Обычай *вписки*

Обычай, связанные с поступлением в часть новой группы солдат-срочников (*вписки*), как правило, состоит в том, что солдатам, только что прибывшим в воинскую часть, старослужащие в первую ночь не позволяют спать и заставляют их мыть и чистить все помещения казармы. Переживший эту ночь как своего рода первичную инициацию, во-первых, считается пространственно и социально «вписанным» в казарму, во-вторых, получает наглядное представление о том положении, которое он на первых порах будет занимать в иерархической структуре солдатской общины.

В некоторых частях практикуется противоположная модель поведения по отношению к «новеньким»: первую неделю или две только что прибывшие *духи* (так называют солдат первого полугодия службы) для старослужащих считаются лицами неприкосновенными. Их не бьют, не заставляют работать на себя, не устраивают ритуальных испытаний и вообще стараются как будто бы не замечать. Этот период в отношении к солдатам младшего призыва называется *золотой неделей* или *неделей золотого духа*. Вероятно, смысл этого обычая – обозначение высшей степени ничтожества новых лиц как их семиотического отсутствия до момента начальной социализации в казарменном сообществе.

сроке, в «правильном» ответе этот срок должен быть обозначен не определенным количеством дней, а, наоборот, как неисчислимая бесконечность:

- Дух!
- У-у.
- Ты кто такой?
- Никто.
- Сколько тебе служить?
- До хуя-а...

Диалоги между старыми и молодыми

Иногда сразу по приезде «новичку» задается вопрос: «Сколько служишь?» Если он начнет рассказывать, сколько времени провел в учебной части, сколько ушло на дорогу и т. д., *старые* (то же, что *деды*) могут жестоко наказать его: единственно правильный ответ – «Только что с поезда», поскольку время, проведенное до попадания на место прохождения службы «не считается», аннулируется традицией. На вопрос «Как дела?» необходимо ответить: «Дела у прокурора, а у нас – солдатская жизнь», любой другой ответ будет означать невладевание нормой или нежелание ей следовать и может повлечь за собой наказание.

На крик дежурного после отбоя: «День прошел!» – *сынки* должны отзываться: «Хорошо, что не убили», манифестируя тем самым свое положение в казарменном сообществе «на волоске от смерти» (ср. приводимую ниже реплику *дедов* в той же ситуации). В частях, расположенных на Кольском полуострове, если *молодому* объявляют «благодарность с занесением в грудную клетку» (см. ниже), тот должен отвечать: «Рад рубиться⁸ старым Заполярья!»

Необходимость знать требуемые ответы и само их содержание отражают подчиненную позицию *молодого* по отношению к *дедушкам* и обязательности для него исполнения неуставных предписаний субкультуры. Такие вопросно-ответные конструкции, разрастаясь, превращаются в сценарии небольших ритуальных диалогов, представляющих собой как бы зачет на знание традиции и одновременно на понимание своего места в солдатской иерархии:

- Где служишь?
- У дедушки на пасеке.
- Кем служишь?
- Пчелкой.
- Как служба?
- Служба – мед, служить охота.
- Как служишь?
- У-у-у! (при этом вопрошаемый машет крыльями, изображая «пчелку»).

Иную разновидность составляют вопросы-ловушки, «правильного» ответа на которые, наоборот, нет и не может быть. Так, если *дед* спрашивает «своего» *карася* (солдат второго полугодия службы): «Ты хочешь, чтобы я уволился?» – то оба возможных ответа оказываются заведомо «обидными» для *деда* и служат поводом к наказанию: «Нет, не хочу» – «Ты что,

⁸ *Рубиться* – здесь: работать и подчиняться напоказ ради поощрения; угождать, выслуживаться.

хочешь, чтоб я никогда на гражданку не попал?»; «Да, хочу» – «Что, салага, тебе плохо с дедушкой? Хочешь от меня скорее избавиться?» *Молодой* должен и в этом случае проявить владение «хитрой наукой»: заранее знать, где подвох и держать наготове более сложный ответ, к которому бы нельзя было придраться с точки зрения неуставной этики.

Задания молодым

Старослужащие постоянно дают солдатам первого года, особенно первого полугодия службы разного рода поручения. Помимо приказаний обеспечить своему *деду* те или иные неуставные блага (добыть дополнительную еду, спиртное и т. д.), исполнить за него ту или иную работу, существуют и специальные задания, не приносящие пользы старослужащим, но также манифестирующие низкий статус *молодых*, их подчиненное положение, необходимость терпеть любые унижения от старших на два призыва.

Часто подобные ритуализованные издевательства имеют вид обучения военной выправке, выносливости, сноровке, расторопности и т. д. Солдат-первогодков бьют ремнем, если те плохо подтягиваются, заставляют раздеваться и одеваться за 45 секунд, вскакивать с постели и запрыгивать на нее по многократно повторяемой команде «отбой-подъем». Выполнение этой процедуры обозначается термином *летать*. Часто при этом один из старослужащих держит наготове натянутый ремень и в тот момент, когда *молодой* запрыгивает на койку второго яруса, щелкать его ремнем по заду.

Требование многократного повторения одного и того же действия служит специфическим знаком власти над первогодками. На вечерней поверке, если ее проводит кто-то из *старых*, *дух* должен откликаться громким голосом, причем принимающий поверку может заставить его повторить отзыв «Я!» несколько раз, все громче и громче, после чего отвечает: «Головка от хуя». Одно из самых распространенных неуставных заданий – почистить кран в умывальне, обратившись к нему по полной уставной форме: «Товарищ краник, разрешите вас почистить». На это обычно отвечают: «Видишь, не блесит. Значит, плохо обращаешься», – и заставляют повторить (вариант – обращение к портрету министра обороны с просьбой разрешить почистить ему очки).

Экзекуции

Одной из основных форм поддержания неуставной системы отношений в солдатском сообществе была и, возможно, остается физическая экзекуция. Характерно, что взаимоотношения между «старшими» и «младшими» срочниками даже в этой сфере заметно ритуализованы и тяготеют к максимальной устойчивости и регламентированности форм. В отношении к битью это выражается прежде всего в существовании разработанной системы разновидностей ударов, каждый из которых имеет свое название и занимает свое место на шкале болезненности и униженности.

Так, щелчок двумя оттянутыми пальцами по лбу называется *балдухой*, удар по шее сверху ребром ладони – *черепашкой*, прямой удар кулаком в грудь – *пробить в грудак* и т. д., и т. п.

Кроме того, стремление к ритуализации истязаний сказывается в использовании определенных словесных формул, сопровождающих побои. Приказ *деда* «залезай под лопату» или «залезай под табуретку» означал, что *молодой* должен встать «фраком», после чего он получал, к примеру, десять «лопат» или «табуреток», т. е. ударов соответствующим предметом. Неуставная похвала или, наоборот, взыскание по отношению к *молодому* может выглядеть как объявление «благодарности (или «выговора») с занесением в грудную клетку» – и в том, и в другом случае *молодой* получает удар в грудь. Приглашение к побоям (от которого нельзя отказываться) озвучивается, например, в форме приказа: «Грудь к осмотру!», или «Фанеру к осмотру!», в форме прямого или иносказательного вопроса: «В магазин балдушки привезли. Тебе два килограмма?», а в других случаях разворачиваются в целые диалоги, подобные такому:

- Балдушку хочешь?
- Хочу.
- Тебе сколько?
- Одну.
- А почему так мало? А больше не хочешь?
- Хочу еще.
- Ладно, сегодня больше не получишь, – и т. д.

Обряды перевода

Первый такой обряд, исполняется без участия тех, кто переходит на другой уровень и получает новое социальное имя: это обряд перевода из *запахов* (новобранцы до принятия присяги) в *духи*. После принятия новобранцами-запахами присяги *деды* машут в казарме полотенцами, говоря, что они тем самым «выгоняют запах».

Основную форму переходных обрядов в неуставном сообществе составляет так называемый *перевод*: старослужащий, старший на два призыва, наносит посвящаемому определенное количество ударов. Это называется *перевести* или *отбить*. При переводе из *духов* в *караси* (на второй уровень) бьют обычно 6, иногда 7 раз, на третий, в *черпаки*, – 12 или 13 раз, на четвертый, в *деды*, – 3 раза (возможен вариант 3—6—12 раз соответственно.) Числа 6 и 12, по-видимому, определились в соответствии с количеством отслуженных месяцев. Известен и обратный принцип – 18—12—6, по числу месяцев, оставшихся до увольнения.

Выбор орудия перевода может варьироваться не только в зависимости от традиций той или иной части, но и от того, на какой уровень переводят: например, при переходе на второе полугодие службы (в *караси*, *гуси*, *молодые*) отбивают по спине пряжкой ремня, в *черпаки*, или *фазаны* (второй год, третье полугодие) – только кожаной частью ремня, в *деды*

(последнее полугодие) – легкими ударами ремнем из натуральной кожи, который им с этого момента позволялось носить.

Менее распространенным вариантом является отбивание при переводе в *черпаки* кухонным половником, добываемым на этот случай из столовой. В некоторых частях отбивают скамейкой, в некоторых – табуреткой, причем в последнем случае в заключение обряда на зад посвящаемого ставится «печать» сиденьем табуретки. Иногда во время перевода на ноги и на спину солдату кладут подушки – «чтоб не промахнуться». Для ужесточения ритуального истязания переводимого заставляют встать руками и ногами на ножки перевернутой табуретки и отбивают в таком положении.

Помимо основного ритуала *перевода* – *отбивания* – знаками обретения нового статуса могут служить и другие ритуализованные действия. Так, при переходе на второй год службы в некоторых подразделениях посвящаемым одним рывком полностью расстегивают гимнастерку, стараясь сделать это так, чтобы все пуговицы отскочили. В некоторых частях особо обставляется перевод в *дембеля* (статус солдата после выхода приказа о демобилизации до момента реального увольнения). Будущего *дембеля* сначала ищут, а потом, завалив подушками, отбивают ниткой с двадцатью четырьмя узелками, а в это время под кроватью лежит *дух* и после каждого удара кричит: «Дедушке больно!»; весь взвод считает удары, затем *дембеля* качают 24 раза.

2. Обряды, направленные на символическое приближение к дембелю

Стодневка

Жесткой временной приуроченностью отличается праздник *стодневки*, отмечаемый ровно за сто дней до приказа об увольнении в запас солдат данного призыва. В эту ночь солдаты, как правило, устраивают большое застолье и пьянку. В некоторых традициях солдаты именно после *стодневки* переходят в категорию *дембелей*: к этому моменту уволены уже все старшие на призыв, даже те, которых после выхода Приказа задержали на 2-3 месяца, и нынешние *деды* остаются старшими по сроку службы.

Сценические миниатюры на тему увольнения

Широкое распространение имеет обычай заставлять *духов* разыгрывать для старослужащих спектакль *дембельский поезд*: один участник действия изображает движение локомотива, другой его озвучивает и по порядку объявляет остановки, то есть произносит последовательно названия всех станций, начиная с ближайшей к месту расположения части и заканчивая ближайшей к месту жительства *дедушки*.

Другое инсценированное действие последнего полугодия носит название «весну (осень) выгонять». *Сынки* машут в окна простынями и произ-

носят своеобразную заклинательную формулу: «Весна, уходи». Выбор именно этих времен года связан с тем, что весной и осенью выходит Приказ Министра обороны. Таким образом, выгоняя весну или осень, то есть призывая время двигаться скорее, *деды* как бы сокращают оставшийся им до последнего *приказа* временной отрезок.

Колыбельная *дедушке*

Ритуальный характер имеет и содержание колыбельной песни, исполняемой *молодыми* старослужащим. Все немногочисленные варианты этого текста включают в себя описание «сна *дедушки*», наполненного основными атрибутами *гражданки* (родной дом, спиртное, женщина), и обязательные упоминания о *дембеле*, Приказе, увольнении, настойчивые констатации приближения желанного момента:

Дембель стал на день короче,
Пожелай дедам спокойной ночи.
Пусть им снится дом родной,
Девка с жирною пиздой,
Бочка пива, водки таз
И Устинова приказ –
Только он приблизит нас
К увольнению в запас.

Отметки о прослуженном и оставшемся сроке

Практически все старослужащие заводят календари (иногда – только после *стодневки*), в которых каждый вечер вырезают бритвой квадратик с прошедшим днем. С той же целью делаются зарубки на дереве. В солдатских блокнотах встречаются рисунки, на которых владелец отмечает прошедшие и оставшиеся дни или месяцы службы (см. также сноску б).

В некоторых частях *молодой* должен каждый день вышивать число оставшихся до Приказа дней на подворотничке у своего *дедушки*. После исполнения своему *старому* колыбельной *карась* должен объявить: осталось столько-то дней.

Дополнительное сегментирование заключительного периода службы, по-видимому, предполагает ритуальный эффект ускорения времени.

Вопросы к *молодым*

В последние полгода или сто дней до Приказа *старый* может в любой момент спросить *духа* или *карася*: «Сколько мне осталось?», «Сколько дней и ночей?», «Сколько звезд на небе?» – все это вопросы об оставшемся *дедушке* сроке службы. Вообще, практически любой подобный вопрос, начинающийся местоимением «сколько», подразумевает один и тот же ответ, а в предельном варианте весь вопрос может состоять из одного этого слова и должен быть понят *молодым* адекватно – такова степень его субкультурной терминологичности.

В качестве ответа на вопрос «Сколько масла (сахара, яиц)?» – вопрошаемый должен назвать произведение количества оставшихся *деду* до Приказа дней и дневной нормы соответствующего продукта. Вопрос «Какое давление и скорость?» – подразумевает, что нужно назвать не только количество оставшихся дней (давление), но отслуженных (скорость): соответственно, чем меньше давление, тем выше скорость.

Незнание *духом* правильного ответа на вопрос об оставшемся сроке считается особенно серьезной провинностью и может повлечь за собой суровое наказание. Иногда при этом «кара соответствует греху»: назвавшему неправильную цифру наносят ровно столько ударов, на сколько дней он ошибся.

Словесное обозначение близости *дембеля*

На традиционный крик дежурного «День прошел!» старики отзываются: «Ну и хуй с ним!». *Дембель*, услышав на вечерней поверке свою фамилию, отвечает не положенное по уставу «Я!», а «Переночую», «На чемаданах» или «Поезда ждет».

Такова – разумеется, в самом общем, далеком от исчерпывающей полноты виде – картина обрядов и обрядового фольклора субкультуры солдат срочной службы Советской/Российской Армии конца XX – начала XXI вв. Мы намеренно не включили в круг описываемых фактов многие формы семиотически насыщенного поведения (такие, например, как включение и распределение по срокам службы неуставных элементов обмундирования, изготовление *дембельских альбомов* и *дембельской парадки* – парадной формы к увольнению, рассказывание *дедами молодым* эпических историй о былой дедовщине и мн. др.), остановившись лишь на тех, в которых значение имеет не материальный результат, а сами совершаемые действия и произносимые тексты, очевидно выходящие за рамки бытового поведения и отмеченные в качестве ритуальных в сознании самих носителей традиции. Перспективой этой работы видится, прежде всего, сравнительное рассмотрение и систематизация форм ритуалистики различных субкультурных образований того же периода: тюремного сообщества, студенческой субкультуры и т. д.